

КАКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК НУЖНА РОССИИ?

Академик В.Л. Гинзбург

В начале сентября стали известны подготовленные Министерством образования и науки документы, касающиеся радикального изменения положения науки в нашей стране. Уже название одного из этих документов («Концепция участия РФ в управлении государственными организациями, осуществляющими деятельность в сфере науки») говорит, о чем идет речь. Документы эти вызвали большое удивление и возмущение в Российской Академии наук, различных других научных учреждениях и высших учебных заведениях. Соответствующая реакция была широко отражена в СМИ в ряде статей, в частности, в статье акад. В.Н. Кудрявцева и моей, опубликованной в «Российской газете» от 22 сентября под названием «Научное закрытие». Несомненно, Минобрнауку можно упрекнуть в том, что упомянутые документы формировались не в процессе обсуждения с представителями научного сообщества, а буквально свалились нам как снег на голову. В результате имели место жаркие дебаты и совершенно излишняя трепка нервов. На настоящий момент плодом этих дебатов явился новый вариант «Концепции», завизированный министром, президентом РАН и ректором МГУ. На заседании Совета по науке, технологиям и образованию при Президенте РФ, происходившем 26 октября, «Концепция» не обсуждалась и еще не принята. Но Президент В.В. Путин четко изложил свою позицию: «Мы исходим из необходимости сохранения, укрепления и роста влияния в стране и на мировом рынке знаний Российской Академии наук». Как же решить задачу, и шире: какая Академия наук нужна России?

Этот вопрос еще раньше остро возник с развалом СССР, и тогда нашлись сторонники радикальной реорганизации Академии по западным образцам. Что это значит? Я имею на этот счет сведения преимущественно в отношении США и Англии, ибо являюсь иностранным членом Национальной Академии наук США (НАН) и Лондонского Королевского Общества (ЛКО).

И, кстати, горжусь этим обстоятельством, ибо имею представление о научном уровне этих крупнейших академий и о методах выбора их членов. Так вот и НАН, и ЛКО неправительственные, можно сказать, общественные организации, их можно назвать частью гражданского общества. Их задача, естественно, в первую очередь заключается в развитии фундаментальной науки в своих странах. Государство их субсидирует, а они проводят разного рода экспертизу, отвечают на запросы правительства, ведут многообразную культуртрегерскую (в частности, издательскую) работу. Что же касается самих научных исследований фундаментального типа, то они проводятся в основном в университетах (как государственных, так и частных), а также в отдельных крупных лабораториях, также государственных или частных. Эти лаборатории тесно связаны с университетами.

В России же развитие науки пошло другим путем, начиная с создания в 1724 г. Академии наук. Помимо Академии наука затем развивалась и в университетах (так Московский университет был создан в 1754 г.). Но в советское время именно Академия наук СССР и созданные в тесной связи с ней институты явились основными центрами развития, как фундаментальной науки, так и ряда ее прикладных (в частности, оборонных) направлений. Несомненно, такой путь был наиболее эффективен в то время.

И вот с развалом СССР на революционной (в кавычках и без кавычек) волне упомянутые активисты предлагали по сути дела упразднить Академию, лишив ее институтов и превратив в учреждение наподобие западных Академий или, как говорили, в «клуб пожилых людей». Тогда это заведомо означало бы ликвидацию фундаментальной науки в России. К счастью, АН СССР ликвидирована не была, а превратилась в Российскую Академию наук (РАН) с сохранением подавляющего большинства своих институтов, музеев, обсерваторий и т.д. Однако наскоки на РАН время от времени продолжались, и по сути дела продолжают – «Концепция» и другие документы в значительной мере имеют именно такое направление.

Источником подобных тенденций, помимо корыстных соображений людей, стремящихся «прихватизировать» немалое имущество РАН, является непонимание места и роли Академии наук в России. Волею хода истории РАН оказалась у нас центром развития фундаментальной науки, и ее самые большие институты именно этим занимаются в области физики, химии, биологии, геологии, различных направлений техники и т.п. В отношении многих из этих институтов можно понять озабоченность Минобрнауки и вообще правительства и Президента, сказавшего 26 октября: «Результаты научных исследований практически не востребованы российским производителем. Эксперты не прогнозируют реальный вклад науки в ВВП. А между тем, с 1999 г. по 2004 г. расходы на науку возросли». Несомненно, невостребованность науки в народном хозяйстве России - большая проблема, беда. И повторяю, стремление исправить здесь положение вполне оправдано, на это «Концепция», в основном, и направлена. К сожалению, не могу судить, насколько будут эффективны в этом отношении многие из предлагаемых мер. Но о роли и месте Академии, где я работаю с 1940 г., я позволю себе судить. Эта роль далеко не сводится только к управлению институтами упомянутого научно-технического, так сказать, характера. В РАН работают также историки, литературоведы, лингвисты, философы, психологи, юристы, вообще представители всех специальностей. Они работают в основном в небольших институтах и «институтиках». К этому нужно добавить библиотеки, музеи (начиная с бывшей петровской Кунсткамеры), ботанический сад, заповедники. В этих учреждениях зарплата сегодня просто нищенская, многое держится только на энтузиазме сотрудников, и спасибо им за это. Их нужно считать работниками культуры не с меньшим основанием, чем артистов и музыкантов. Кстати, читая в советских и российских газетах многочисленные послания «деятелей культуры», я никогда не мог понять, почему ученых обычно не относили и не относят к подобным деятелям. Ну пусть физика или биология, по мнению некоторых, это не культура, но какие же сомнения на этот счет могут быть в

отношении истории, лингвистики, философии, социологии и т.д. Забота обо всех этих направлениях не меньшая обязанность РАН и других «государственных» академий, чем забота о фундаментальных научных исследованиях в области естественных наук. А о каких же «востребованности производителем» и доходах от внедрения можно говорить в отношении Пушкинского дома (он же Институт русской литературы)?

В газетной статье нет возможности писать подробнее. Коротко говоря, мне представляется, что РАН нужно сохранить в основном в существующем виде. Она является необходимой частью культуры в стране, не меньшей, чем Большой Театр и Третьяковская Галерея. Если это окажется целесообразным из чисто деловых соображений, какие-то академические институты могут, конечно, передаваться в промышленность и т.д. Такое и в прошлом бывало.

Задача РАН состоит в том, чтобы координировать так называемые фундаментальные исследования в России и самой производить значительную их часть, а также опекать те многочисленные направления и учреждения, которые я упомянул выше. Далее, РАН должна производить экспертизу всех значительных научных проектов и начинаний в стране и, наконец, помогать совершенствованию образования и в школах, и в вуз'ах. Огромный масштаб работы! И я не считаю, что РАН находится на должной высоте при выполнении всех упомянутых задач, неоднократно писал об этом *).

Надеюсь, РАН активно займется реорганизацией и улучшением своей работы, к чему ее призвал и Президент В.В. Путин. Эти задачи АН должна решать в первую очередь сама, но, конечно, и с помощью государственных органов.

По-видимому, Минобрнауки и другие государственные органы решили как-то управлять этим процессом, предлагая, чтобы избрание

*) Здесь нет возможности давать ссылки и поэтому укажу лишь, что большинство моих статей на эти темы можно найти на сайте www.ufn.ru., отдел «Трибуна УФН» (это сайт журнала «Успехи физических наук»).

президента РАН утверждал Президент РФ, а Устав РАН утверждало правительство РФ. Эти предложения мотивируются в основном ссылкой на то, что РАН содержится на средства государства и поэтому, якобы, должна считаться государственным учреждением.

Я самым решительным образом выступаю против этих предложений. Для того чтобы РАН могла успешно выполнять все свои функции, она не должна подчиняться государственным органам, должна быть независима. Как же она может, например, осуществлять независимую экспертизу, если подчиняется тем, кто просит об этой экспертизе? Да и вообще, почему учеными должны управлять государственные служащие (я не употребляю термин «чиновники», ибо он стал звучать как-то оскорбительно; я же думаю, что большинство государственных служащих ничуть не меньше научных работников заботятся об интересах страны, а не только о своих собственных).

Когда-то президента Российской Академии наук и ее Устав утверждал государь-император. В советское время, начиная с 1953 г., Устав никто не утверждал, хотя фактически Академия полностью подчинялась ЦК КПСС.

В современной России РАН, как и все известные мне Академии наук в демократических странах, не должна подчиняться никому, быть частью гражданского общества. Получение денег из бюджета этому совершенно не противоречит, государственные деньги получают ведь и театры и киностудии, причем, насколько знаю, директоров театров и даже председателя Союза Кинематографистов ни Президент РФ, ни правительство не утверждают. За расходованием же денег должна следить Счетная Палата. Если же нужно как-то формализовать отношения РАН и других бюджетнозависимых академий с правительством и с администрацией Президента РФ, то можно создать Наблюдательный совет, куда входили бы вполне конкретные представители академий и государственных органов. Такой путь, по крайней мере, так сказать, прозрачен, в то время как утверждение президента РАН и ее Устава Президентом и правительством РФ

и формально превращает академии в государственные органы и потенциально делает их зависимыми от государственного аппарата.

Надеюсь, все это «утрается», и не могу не остановиться на более важном – положении и перспективах развития фундаментальных наук в России. Я принадлежу к числу тех, кто видит светлое будущее (выражаясь несколько высокопарно) человечества и, в частности, России только на пути торжества демократии, светского гуманизма, процветания образования и науки. К сожалению, роль науки недостаточно осознана не только обществом в целом, но и власть имущими. В какой-то мере это понятно, ибо люди привыкают к уже имеющемуся и забывают, что широко пользуются плодами науки. Забывают, что еще сто лет назад они практически не могли даже слушать радио, не говоря уже о том, что не было телевизоров. Лишь в 1932 г., а это происходило уже на моей памяти, был открыт нейтрон, и не произойди этого – вся жизнь на Земле сегодня была бы иной. С другой стороны, забывают и о том, что как ни быстро в ряде случаев достижения в области фундаментальной науки внедряются в жизнь, это редко происходит всего за несколько лет. Поэтому говорить о мгновенном «внедрении» таких достижений и о какой-то их рентабельности просто не серьезно.

Хорошо известно, что наука в России находится сейчас не в лучшем состоянии. В первую очередь дело в том, что на нее тратится недостаточное количество денег, причем научные работники в РАН - это бюджетники. Поэтому зарплата просто нищенская, например, даже главный научный сотрудник, доктор наук получает по 17 разряду 2520 рублей плюс надбавку за степень в 1500 рублей, т.е. всего **4020** рублей в месяц. А младший научный сотрудник без степени относится к 9-ому разряду, и его зарплата составляет всего 1340 руб. в месяц. Разумеется, правдами и неправдами реальную зарплату повышают, людям приходится подрабатывать и т.д. Ясно, однако, что до радикального повышения зарплаты научным работникам, ни о каком нормальном положении в науке говорить не приходится. Но это, конечно, часть общей тяжелой проблемы с зарплатой бюджетников и вообще, с

положением малообеспеченных слоев населения. В отношении науки к этому прибавляется большая стоимость современного оборудования, материалов и даже научной литературы. Я понимаю всю трудность имеющихся проблем, но все же думаю, что при наличии в России больших валютных запасов на науку можно и нужно давать значительно больше денег, чем сегодня. Тем самым решила бы в основном и проблема «утечки мозгов». Дайте молодому человеку приличную зарплату и, если нужно, служебную жилплощадь, и он, скорее всего, не уедет. Правда, поневоле все это делать нужно как-то селективно, производить отбор. Не место здесь обсуждать этот нелегкий вопрос.

В США и в ряде других стран науку часто субсидируют частные лица. Наши же богачи (не знаю уж, с какого уровня богатства их называют олигархами) тоже кое-что делают, но мало; будем надеяться, когда-нибудь раскачаются (кажется, этому процессу мешает наше законодательство, ибо еще не предусмотрено, что все средства, направляемые частными лицами на общественные нужды, не должны облагаться налогами). В надежде на прогресс в этой области я даже недавно стал главой Фонда «Успехи физики» (дело в том, что я являюсь Главным редактором журнала «Успехи физических наук»). Кстати, я люблю футбол, сейчас «болею» за «Локомотив» и до известной степени за почти российское «Челси». И был бы рад, если бы следующим шагом Романа Абрамовича явилась помощь нашему Фонду, у которого сейчас имеются лишь надежды, но не деньги. Если бы мы получили из достаточно «чистых» источников несколько сотен тысяч долларов, то стали бы издавать хорошую научно-популярную и гуманистическую литературу, а затем рассылали ее во все сорок тысяч школ России. Если бы получили с десятков и больше миллионов, то занялись бы созданием комнатно-температурных сверхпроводников, «работающих» (сверхпроводящих) и при комнатных температурах. Этой проблемой я с рядом коллег начал заниматься еще в 1964 году. Тогда существовали лишь сверхпроводники, работающие при низких температурах (практически, лишь

в жидком гелии). Мы приняли участие в попытках создания так называемых высокотемпературных сверхпроводников (они работают уже в жидком азоте), но цель в 1986-1987 гг. была достигнута не у нас (кстати, сотрудники одного из институтов АН СССР еще в 1979 г. получили такие же материалы, но не догадались их должным образом изучить; очень обидно). Но вот комнатно-температурные сверхпроводники еще не созданы и до сих пор. Не известно даже, можно ли это вообще сделать, такова типичная ситуация в случае фундаментальной науки. Но я надеюсь, что это все же возможно и хотел бы содействовать поискам. Кстати, всей моей Нобелевской премии хватило бы лишь на покупку ненужной мне, к счастью, **квартиры в центре Москвы**, но не на развитие физики. Наука сегодня стоит дорого, хотя иногда и дешевле, чем футбольные команды.

1 ноября 2004 г.

(Статья опубликована в «Парламентской газете» от 9 ноября 2004 г.)

Примечание автора:

Перечисляя специальности, по которым ведется работа в РАН, я по оплошности, не упомянул математику и информатику. Между тем, именно математика представлена в РАН, да и вообще в России (помимо РАН в особенности в университетах) наилучшим образом. Состоянием математики мы до сих пор можем гордиться.